

О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России

Круковский В.Е.

ФГБОУ ВО Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2410-8601>, e-mail: Krukovsky@vyatsu.ru

Мосечкин И.Н.

ФГБОУ ВО Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: Weretowelie@gmail.com

Статья посвящена исследованию форм нефизического насилия, закрепленных в статьях Особенной части УК РФ. Основной целью настоящей работы выступало исследование проблем отражения в уголовном законодательстве форм нефизического насилия, ориентированное на разработку рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм в сторону повышения их эффективности. Авторами проанализированы положения уголовного законодательства России и материалы судебно-следственной практики, что позволило выявить ряд недостатков. Полученные результаты позволили сделать выводы о том, что наиболее распространенными в законодательстве формами нефизического насилия являются: угроза, принуждение, шантаж, издевательство и оскорбление. По мнению авторов, обман нельзя отнести к разновидностям насилия, поскольку данное явление само по себе моральные страдания потерпевшему не причиняет, а преступления с данным признаком не относятся к насильственным. Кроме того, авторы пришли к выводу о том, что все формы нефизического насилия в уголовном законодательстве не отражены. Авторами предлагается закрепить использование гипноза в качестве квалифицирующего признака в некоторых составах преступления, поскольку это позволит разрешить ряд квалификационных проблем, а также поспособствует правильной индивидуализации и дифференциации наказаний.

Ключевые слова: нефизическое насилие, психологическое насилие, угроза, обман, гипноз, клевета, издевательство, шантаж.

Для цитаты: Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 171-182. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100115>

On forms of non-physical (psychological) violence in the criminal legislation of Russia

Vladimir E. Krukovsky

Law Institute, Vyatka State University, Kirov, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2410-8601>, e-mail: Krukovsky@vyatsu.ru

Iliya N. Mosechkin

Law Institute, Vyatka State University, Kirov, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: Weretowelie@gmail.com

The article is devoted to the study of forms of non-physical violence stated in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The main objective is to study the issues of representing the forms of non-physical violence in criminal law, aimed at developing recommendations for improving criminal law to increase its effectiveness. The authors analyzed the provisions of the criminal legislation of Russia and the materials of judicial investigative practice, which made it possible to identify a number of shortcomings. The results led to the conclusion that the most common forms of non-physical violence are: threat, coercion, blackmail, bullying and insult. According to the authors, cheating cannot be related to the variety of violence since the phenomenon itself does not cause moral suffering to the victim, hence, a crime with this attribute is not violent. In addition, the authors conclude that not all forms of non-physical violence are reflected in the criminal law. The authors propose to consolidate the use of hypnosis as a qualifying attribute in some elements of the crime, as this will allow to resolve a number of qualification problems, and will also contribute to the correct particularisation and differentiation of punishments.

Keywords: non-physical violence, psychological violence, threat, cheating, hypnosis, slander, mockery, blackmail

For citation: *Krukovsky V.E., Mosechkin I.N. On forms of non-physical (psychological) violence in the criminal legislation of Russia. Psikhologiya i pravo, 2020. Vol. 10, no. 1. p.171-182. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100115>*

Насильственные преступления являются одними из наиболее опасных среди прочих форм противоправной деятельности, прежде всего, вследствие посягательства на такие важные и зачастую невосполнимые объекты, как жизнь или здоровье. И хотя число таких преступлений не находится на первых местах в структуре преступности, последствия от их совершения весьма существенны.

Проблемы предупреждения насильственной преступности все также остаются актуальными, несмотря на множество принимаемых мер, как в России, так и зарубежных странах. Согласно официальным статистическим сведениям, в 2017 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 2 058 476 преступлений. Категории «насилие» или «насильственная преступность», разумеется, в структуру преступности не включаются, однако информация, имеющая значение для настоящего исследования, может быть подчерпнута из данных по иным преступлениям. Доля преступлений против личности составила около 14%, из них за январь—декабрь 2017 г. было совершено 9738 убийств и покушений на убийства, а также 24 552 эпизода умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. В качестве положительного момента следует отметить тот факт, что по сравнению с предыдущим годом, имеется тенденция к сокращению

количества насильственных преступлений [10]. В то же время отметим, что это не всегда указывает на сокращение реального числа насилия в обществе. Достаточно указать на частичную декриминализацию побоев, статистическим последствием которой следует считать увеличение количества административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1. КоАП РФ. При отсутствии проведенной частичной декриминализации это количество фигурировало бы в данных уголовной статистики.

Довольно острой является проблема противодействия насилию в зарубежных странах. В США, например, согласно исследованиям отдельных авторов, нападения с применением огнестрельного оружия, повлекшие причинение вреда жизни или здоровью нескольким потерпевшим, в среднем происходят каждый день. Кроме того, с 2012 по 2017 г. таких случаев насчитывается более 1500 [26, с. 541—542]. В Канаде, несмотря на снижение общего уровня насилия в семье, число жертв остается достаточно стабильным. В 2016 г. их количество составило 239 на каждые 100 000 населения [16, с. 34—37].

Таким образом, можно отметить общую положительную тенденцию к сокращению числа насильственных преступлений, при сохраняющемся высоком их значении.

Несмотря на обилие различных научных трудов, связанных с изучением разновидностей насилия, в теории уголовного права данное явление разделяют в основном на две категории.

К первой категории следует отнести физическое насилие, которое традиционно отличается большей степенью исследованности. Его формы проявления и последствия реализации носят более явный характер, поэтому такое пристальное внимание науки вполне объяснимо.

Вторая категория изучена в значительно меньшей степени. Следует обратить внимание на тот факт, что даже ее наименование отличается дискуссионностью. Большинство авторов-юристов говорят о «психическом насилии», другие аргументированно называют такое явление «психологическим насилием». Встречается в зарубежной и отечественной литературе и такой, относительно редкий, термин, как «эмоциональное насилие».

В одном из ранее проведенных нами исследований проблем противодействия насилию, на наш взгляд, удалось убедительно доказать необходимость употребления новой конструкции, охватывающей все формы насилия, не относящиеся к физическим [6, с. 103—104]. В связи с этим в настоящей работе в дальнейшем будет использоваться словесная конструкция «нефизическое насилие», поскольку это позволяет охватить больший круг вопросов.

Несмотря на то, что в теории и практике физическое насилие достаточно обоснованно признается более опасным проявлением, нефизическое насилие также не должно оставаться без внимания, поскольку последствия от вышеуказанных посягательств иногда могут быть сопоставимы. Здоровье человека состоит не из автономных, а из взаимосвязанных компонентов, оказывающих влияние друг на друга. Ущерб, наносимый психическому здоровью, может повлиять на физиологию, и наоборот.

Кроме того, развитие способов посягательства в настоящее время не останавливается. Методы погружения в гипнотическое состояние, ранее доступные ограниченному кругу лиц, теперь распространяются в большей степени, что связано с развитием информационного общества. Одним из известных научных достижений является имплантация ложных воспоминаний в мозг мышей, позволяющих им менять отношение к тем или иным явлениям [22, с. 494—495]. Применение таких методов по отношению к человеку может повлечь как положительные, так и негативные последствия, в особенности если применять их будут представители преступности.

Проблемой, которой посвящено настоящее исследование, является не в полной мере корректное отражение форм нефизического насилия в уголовно-правовых нормах. Соответственно, целью работы выступало исследование проблем отражения в уголовном законодательстве форм нефизического насилия, ориентированное на разработку рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм в сторону повышения их эффективности.

В научной литературе проблема закрепления видов нефизического насилия в правовых нормах не получила однозначного решения, хотя ее анализ проводился неоднократно. Ряд авторов указывают, что насилие отражается в уголовном законодательстве только в качестве способа совершения преступления [9, с. 164–167]. Другие считают «нефизическое насилие» более содержательной категорией [8, с. 59–60].

Достаточно много трудов посвящено не насилию в целом, а лишь отдельным его видам. Так, например, достаточно подробно проанализированы такие явления, как угроза [12, с. 525–526; 3, с. 14–18], принуждение [5, с. 61–63], жестокое обращение [7, с. 142–143], гипноз [11, с. 210–211] и другие.

Среди зарубежных авторов значительное число исследований в последнее время посвящено нефизическому насилию в киберпространстве [23, с. 27; 24, с. 136; 25]. В особенности авторы сосредоточены на правовых мерах противодействия кибербуллингу — издевательствам и унижениям, которые совершаются посредством сети Интернет [17, с. 1–7]. При этом одними учеными предлагается применять действующее законодательство, в то время как другие настаивают на принципиально новых решениях [21]. Затрагиваются правовые проблемы создания и распространения порнографических изображений людей в целях причинения им психических страданий [20, с. 397]. Большой интерес также представляет работа, посвященная исследованию киберсталкинга, т. е. преследованию одним человеком другого через Интернет. Авторы отмечают, что законодательство не отражает отношение людей к данному явлению, которые часто воспринимают его как угрозу [18, с. 83–84].

Действующее отечественное уголовное законодательство в статьях Особенной части содержит запреты на осуществление нескольких различных проявлений нефизического насилия. Анализ положений Особенной части УК РФ позволил определить частоту закрепления того или иного проявления нефизического насилия с отражением полученных данных в табл. 1 и диаграмме (рис. 1).

Таблица 1

Формы нефизического насилия в статьях Особенной части УК РФ

Форма нефизического насилия	Статьи Особенной части УК РФ	Общее количество статей, содержащих данную форму нефизического насилия
Угроза	110, 119, 120, 126, 127.1, 127.2, 131, 132, 133, 139, 141, 142, 144, 148, 149, 150, 151, 151.2, 161, 162, 163, 166, 170.1, 178, 179, 183, 185.5, 203, 205, 211, 221, 226, 227, 229, 230, 230.1, 240, 241, 244, 282, 283.1, 286, 296, 302, 309, 313, 318,	52

	321, 322, 330, 333, 361	
Принуждение	120, 141, 142, 144, 147, 149, 179, 184, 185.5, 240, 283.1, 302, 309, 333	14
Шантаж	127.2, 133, 185.5, 230.1, 283.1, 302, 304, 309	8
Издевательство	107, 111, 112, 113, 302, 335	6
Оскорбление	107, 113, 297, 319, 336	5
Жестокое обращение	110, 156, 356	3
Унижение	110, 282, 335	3
Клевета	128.1, 298.1,	2
Причинение психических страданий	117	1

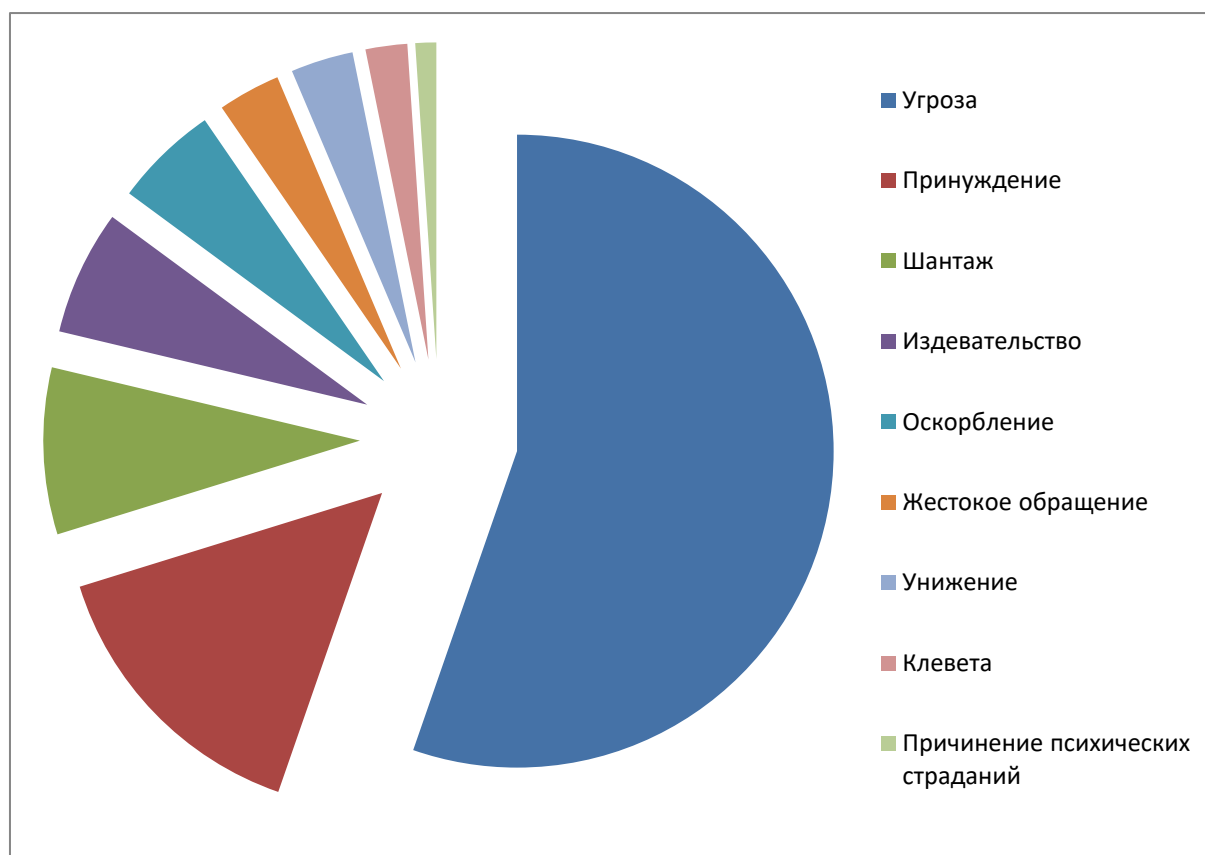

Рис. 1. Соотношение форм нефизического насилия в статьях Особенной части УК РФ

Анализ диспозиций показывает, что в большинстве случаев в качестве конструктивных или квалифицирующих признаков предусмотрена угроза. При этом содержание угрозы достаточно дифференцировано. Чаще всего УК РФ запрещает угрозу насилием, например, в статьях 119, 126, 131 УК РФ и других. Это вполне логично, поскольку реализуется такая форма насилия достаточно

просто для виновного лица и в действительности потенциально может подкреплять массу преступлений.

Близким по смыслу является содержание угрозы уничтожением или повреждением имущества. Объективно такая форма характеризуется меньшей степенью общественной опасности, в связи с чем указанный признак встречается лишь в некоторых преступлениях, предусмотренных, например, статьями 142, 163 УК РФ и других.

Еще реже в уголовном законодательстве встречается угроза распространения каких-либо сведений (ст. 163, 179 УК РФ). В то же время необходимо отметить, что если указанные сведения носят ложный характер и могут негативно сказаться на чести, достоинстве или репутации другого лица, то их распространение само по себе уже является противоправным деянием, предусмотренным ст. 128.1 УК РФ. Наличие такого состава преступления объясняет достаточно редкое использование угрозы распространения сведений в качестве конструктивных или квалифицирующих признаков.

Кроме того, в ряде диспозиций слово «угроза» употребляется без уточнения содержания. Это позволяет сделать вывод о том, что в таких случаях уголовное законодательство запрещает угрожать чем-либо, в том числе насилием, уничтожением или повреждением чужого имущества, распространением сведений и т. п. В качестве примера можно привести, составы преступления, предусмотренные статьями 150 и 151.2 УК РФ.

Исходя из вышеизложенного, считаем возможным согласиться с мнением Е.Н. Бархатовой о том, что содержанием угрозы является воздействие на психическую деятельность потерпевшего путем сообщения ему сведений о совершении нежелательных для него или близких ему лиц действий [1, с. 23].

Следующей по распространенности закрепления в уголовном законодательстве формой является «принуждение», которое встречается в четырнадцати статьях. Принуждение и угроза имеют совпадающие признаки, что в некоторых случаях подтверждается актами Верховного Суда РФ. Так, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» уточнено, что нарушение изобретательских или патентных прав путем принуждения к соавторству может заключаться в оказании воздействия любым способом (в том числе посредством насилия, угроз наступления неблагоприятных для потерпевшего последствий).

В связи с этим некоторыми учеными утверждается, что угроза является единственно возможным проявлением психического (нефизического) насилия. На наш взгляд, принуждение и угроза все же соотносятся как целое и часть, т. е. принуждение включает в себя угрозу или иные действия, тогда как угрожать можно насилием или иными нежелательными действиями, но не принуждением.

Кроме того, отметим, что определение сущности данной формы нефизического насилия сложнее, чем кажется на первый взгляд, поскольку, как правильно указывает С.В. Шевелева, законодатель вкладывает в термин «принуждение» различные смыслы, в том числе путем отнесения данного явления к самостоятельным составам преступления, способам их совершения или к обстоятельствам, исключающим преступность деяния [13, с. 171—172].

В качестве следующей формы нефизического насилия, закрепленной в УК РФ, следует назвать шантаж, который имеет много общего, как с угрозой, так и принуждением, рассмотренными выше. При отсутствии легального определения такой формы, в теории отечественного и зарубежного уголовного права выделяют, в целом, общие черты содержания

данного явления. Так, например, Ю.А. Никитин подчеркивает, что шантаж является способом совершения преступления, при котором высказывается угроза распространения определенных в законе сведений о потерпевшем или его близких [4, с. 63—64].

В зарубежной литературе высказывается похожее мнение. В частности, авторы под шантажом понимают незаконное требование платы или оказания услуг под угрозой распространения информации [15].

Следующим по распространенности проявлением насилия является издевательство, выступающее в качестве квалифицирующего признака некоторых составов преступлений против здоровья, правосудия, а также военной службы. Издеательства могут быть реализованы как в физической форме (плевок, пощечина и т. п.), так и в нефизической (запугивание, унижение). Следует отметить, что, как и предыдущие проявления, издевательство может быть выражено в виде угроз. В любом случае для издевательств характерны грубость, цинизм, а их применение указывает на то, что субъект желает, помимо прочего, нанести моральные страдания потерпевшему.

Несмотря на то, что преступление, предусмотренное ст. 130 УК РФ, было декриминализовано, специальные составы все еще предусмотрены уголовным законодательством. В настоящее время наказуемо оскорбление участников судебного разбирательства, представителей власти и военнослужащих. В то же время, оскорбление, но уже по отношению к субъекту преступления, законодатель выделяет в качестве причин возникновения аффекта, в частности, в статьях 107 и 113 УК РФ.

Данное проявление насилия также может быть физическим, а равно нефизическим. В отличие от предыдущих форм, маловероятным представляется оскорбление в виде угрозы, хотя угроза может состоять, в том числе, из оскорблений.

Среди других форм выражения нефизического насилия в уголовном законодательстве упоминаются жестокое обращение, унижение и причинение психических страданий.

Неоднозначно в теории уголовного права решается вопрос об отнесении к проявлениям насилия обмана и клеветы. Клевета, безусловно, относится к приемам психологического воздействия, хотя ее насильственные признаки не всегда очевидны. Действительно, данное противоправное деяние редко связано с непосредственным воздействием на психику потерпевшего. Субъект преступления в первую очередь стремится изменить оценку личности жертвы со стороны других лиц, сообщая им ложные сведения.

Однако полагаем возможным согласиться с позицией М.С. Фокина и В.Е. Дворцова относительно того, что многократное распространение клеветы как компонента травли потерпевшего можно отнести к нефизическому насилию, выраженному в форме систематического унижения чести и достоинства [2, с. 270—271].

Что касается обмана, то и это явление, думается, не тождественно насилию, поскольку моральные страдания потерпевшему причиняет не сам обман, а, например, ущерб от потери имущества при мошенничестве. В том случае, если совершаются заведомо ложный донос, заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод, становится не вполне понятным, над кем совершается насилие? Над следователем, дознавателем или судом? Думается, ответ будет отрицательным, в то время как без обмана такие преступления, безусловно, не совершаются.

Несмотря на довольно дифференцированный спектр форм проявления нефизического насилия, закрепленных в уголовном законодательстве, думается, что он остается неполным.

Например, существенные затруднения в квалификации и оценке общественной опасности вызывали преступления, совершаемые с использованием гипноза или в состоянии транса. Гипнозу уделялось и уделяется достаточно много внимания в научной литературе, но, как утверждают ученые, данное явление все еще остается недостаточно изученным. Встречаются в том числе и утверждения о том, что гипноза вовсе не существует, несмотря массу приводимых в литературе доказательств обратного [19, с. 510].

Что же касается уголовно-правовых отношений, то имеется немало установленных фактов использования гипноза в преступных целях. В настоящее время такие случаи также встречаются, хотя, по сравнению с иными способами совершения противоправных актов, относительно редко.

Например, как следует из приговора Ленинского районного суда г. Уфы от 10.05.2017 по делу № 1-18/2017, Ф.Д.Х. была признана виновной в создании некоммерческой организации «Орда», посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ). Ф.Д.Х. заставляла потерпевших участвовать в мероприятиях религиозного объединения посредством введения в транс. Как подтверждается, в том числе заключением клиничко-психопатологического исследования, представленные на видео и аудио записях обряды содержат признаки психологического воздействия в виде внушения и применения психотехнологий манипулирования сознанием людей. Эти методы психологического воздействия могут оказать негативное влияние на здоровье человека, спровоцировать дезадаптивное состояние, даже психическое расстройство¹.

Гипноз чаще всего используется при посягательствах на отношения собственности, а также жизнь и здоровье. При этом не в полной мере ясно, к какой разновидности насилия его отнести, да и является ли данное явление насилием в принципе или же просто способом воздействия?

Поскольку в теории уголовного права в контексте толкования содержания статьи 40 УК РФ традиционно считается, что к физическому принуждению относятся случаи принудительного употребления медикаментозных средств, то, думается, что и введение в состояние транса с помощью различных веществ (например, теопентала натрия), также следует относить к физическим воздействиям. Во всех же остальных случаях гипноз представляется относить только к нефизическим воздействиям.

Что касается определения принадлежности к проявлениям насилия, то, думается, это возможно, правда с учетом конкретных действий при введении в состояние транса. Если с помощью гипноза лицо заставляют предпринять действия, противоречащие его воле, и характер которых он осознает (к примеру, навредить себе или другим, отдать имущество), то налицо все признаки насилия.

В ином случае с помощью гипноза изменяют восприятие человека, после чего некоторые явления воспринимаются им иначе. Так, например, в состоянии транса и после соответствующего внушения лицо может воспринимать передаваемые им листы бумаги как настоящие банкноты, находящиеся в обращении. В такой ситуации имеется значительное сходство с обманом, который, как мы указали выше, не тождественен насилию.

Изучение судебно-следственной практики, необходимо отметить, показывает, что в основном имущественные преступления с использованием гипноза квалифицируются как мошенничество. Следовательно, гипноз приравнивается к обману. Конечно, доказать факт введения в заблуждение легче, чем воздействие на психику, что сказывается на результате квалификации, тем не менее, игнорировать показатели правоприменения не следует.

¹ Из материалов уголовного дела №1-18/2017 по обвинению Ф.Д.Х. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 293 УК РФ // Ленинский районный суд г. Уфы.

Если использование гипноза в преступлениях против собственности было бы признано насилием, то содеянное в практике квалифицировалось бы как грабеж или разбой, в зависимости от возможных последствий для здоровья. Тем более что насильственный гипноз исключать не следует, ведь при введении в транс имущество может изыматься не путем введения в заблуждение, а прямыми командами на передачу вещи и, допустим, вызовом амнезии. В пользу возможности такого развития событий говорят как отдельные научные изыскания [14, с. 790—791], так и зарубежное законодательство [1, с. 52—58].

Таким образом, на наш взгляд, гипноз может выступать как в качестве акта проявления насилия (физического и нефизического), так и в качестве ненасильственного психологического воздействия. Учитывая тот факт, что ряд хищений, преступлений против жизни и здоровья и даже против общественной нравственности могут быть совершены с использованием гипноза, представляется возможным ввести в соответствующие статьи Особенной части УК РФ данный признак. Основываясь на том, что такая форма воздействия повышает общественную опасность преступления, признак должен характеризовать квалифицированные составы преступлений. Закрепление признака, связанного с использованием гипноза, позволит разрешить ряд существующих квалификационных проблем, например, возникающих по поводу разграничения грабежа и мошенничества.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Обман не является разновидностью насилия, поскольку сам по себе моральные страдания потерпевшему не причиняет. Данная позиция находит отражение в уголовно-правовых нормах, поскольку деяния, составляющей которых является обман, к насильственным не относятся (например, мошенничество или заведомо ложный донос). В то же время обман, безусловно, является формой психологического воздействия.

2. Уголовное законодательство не содержит всех форм общественно опасного нефизического насилия, в том числе гипнотического. Представляется необходимым закрепить использование гипноза в качестве квалифицирующего признака в некоторых составах преступления. Дополнение таким признаком возможно, например, в составах, предусмотренных следующими статьями: 110, 110.1, 111, 112, 115, 120, 131, 132, 150, 151, 151.2, 159, 161 УК РФ и др.

Совершенствование закона вышеуказанным способом позволит разрешить ряд квалификационных проблем, например, возникающих по поводу разграничения грабежа и мошенничества. Кроме того, учет использования гипноза поспособствует правильной индивидуализации и дифференциации наказаний.

Литература

1. Бархатова Е.Н. Преступления против собственности, совершаемые с применением психического насилия: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 170 с.
2. Дворцов В.Е., Фокин М.С. К вопросу об уголовно-правовом определении психического насилия // Вестник ТОГУ. 2013. № 2(29). С. 269—274.
3. Жигай А.А., Антропова О.И. Проблемы понятия и признаков угрозы в уголовном законодательстве // Юридический факт. 2017. № 13. С. 14—18.
4. Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4 (37). С. 59—65.
5. Ключенко Л.Н. Психическое принуждение как преступление // Уголовное право. 2014. № 5. С. 61—63
6. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 89—104.

7. *Нагорная И.И.* Жестокое обращение с ребенком как оценочное уголовно-правовое понятие // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 142—154.
8. *Никитин Ю.А.* Содержание шантажа: вопросы теории и практики // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3 (32). С. 61—64.
9. *Павлова А.А., Корякина З.И.* Психическое насилие как способ совершения преступления // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2014. Т. 11. № 6. С. 164—167.
10. Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 02.10.2018).
11. *Семенова Д.А.* Гипноз как вид психического принуждения в уголовном праве // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № S3-2(38). С. 210—211.
12. *Субочев В.А., Волкова Н.А.* Различные подходы к определению понятия и признаков «угрозы» в уголовном праве // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 5(13). С. 525—526.
13. *Шевелева С.В.* О способах юридической фиксации преступного принуждения в уголовном законодательстве // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 1(70). С. 171—176.
14. *Abadi F. H., Fard A. I.* Robbery by Hypnosis // International Research Journal of Applied and Basic Sciences. 2013. № 6. P. 788—793.
15. Blackmail [Электронный ресурс] / Huebner B. [et al.]. New York: Oxford University Press. Available at: [http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/blackmail\(a9e7a245-f86b-4fca-a041-195b1cfab133\).html](http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/blackmail(a9e7a245-f86b-4fca-a041-195b1cfab133).html) doi: 10.1093/OBO/9780195396607-0199 (Дата обращения 02.10.2018).
16. *Burczycka M., Conroy S.* Family violence in Canada: A statistical profile, 2016 [Электронный ресурс] // Juristat. 2018. Iss. 2018001. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/catalogue/85-002-X201800154893> (Дата обращения 01.10.2018).
17. *Cartwright B. E.* Cyberbullying and cyber law // IEEE International Conference on Cybercrime and Computer Forensic (ICCCF). Vancouver, BC, Canada, 12-14 June 2016. Vancouver, Canada: IEEE, 2016. P. 1—7.
18. *DeMatteo D., Wagage S., Fairfax-Columbo J.* Cyberstalking: are we on the same (web) page? A comparison of statutes, case law, and public perception // Journal of aggression, conflict and peace research. 2017. Т. 9. №. 2. P. 83—94.
19. *DePiano F., DePiano D.* Investigative Uses of Hypnosis // Handbook of Behavioral Criminology / Ed. Van Hasselt. Cham: Springer, 2017. P. 501—515.
20. *Henry N., Powell A.* Sexual violence in the digital age: The scope and limits of criminal law // Social & Legal Studies. 2016. Т. 25. №. 4. P. 397—418.
21. *Hinduja S., Patchin J. W.* Cyberbullying legislation and case law: Implications for school policy and practice [Электронный ресурс] // Cyberbullying Research Center. 2015. URL: <https://www.cyberbullying.org/cyberbullying-legal-issues.pdf> (Дата обращения 02.10.2018).
22. *Lavilléon G., Lacroix M.M., Rondi-Reig L., Benchenane K.* Explicit Memory Creation During Sleep Demonstrates a Causal Role of Place Cells in Navigation // Nature Neuroscience. 2015. № 18. P. 493—495.
23. *Owen T., Noble W., Speed F. C.* Biology and Cybercrime: Towards a Genetic-Social, Predictive Model of Cyber Violence // New Perspectives on Cybercrime. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. P. 27—44.
24. *Pereira F., Spitzberg B. H., Matos M.* Cyber-harassment victimization in Portugal: Prevalence, fear and help-seeking among adolescents // Computers in Human Behavior. 2016. Т. 62. P. 136—146.
25. *Peterson J., Densley J.* Cyber violence: What do we know and where do we go from here? // Aggression and violent behavior. 2017. Т. 34. P. 193—200.

26. *Swanström, L.L., Park, A.* Social violence: Time to Innovate // *Surgical Innovation*. 2017. Vol. 24 (6). P. 541—542. doi:10.1177/1553350617744044

References

1. *Barhatova E.N.* Prestupleniya protiv sobstvennosti, sovershaemye s primeneniem psihicheskogo nasiliya: dis. ... kand. jurid. nauk. [Crimes against property committed with the use of mental violence. Ph. D. (Law) diss.]. Omsk, 2014. 170 p.
2. *Dvorcov V.E., Fokin M.S.* K voprosu ob ugovolno-pravovom opredelenii psihicheskogo nasiliya [On the issue of the criminal law definition of mental violence]. *Vestnik TOGU [Bulletin of PNU]*, 2013, no. 2, pp. 269—274. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. *Zhigay A.A., Antropova O.I.* Problemy ponyatiya i priznakov ugrozy v ugovolnom zakonodatel'stve [Problems of the concept and signs of a threat in criminal law] // *yuridicheskiy fakt [Legal fact]*. 2017, no 13. pp. 14—18. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. *Ignatov A.N.* O nasilii, y ego vidakh i ikh ugovolno-pravovom otrazhenii [On Violence, its Types and Their Legal Interpretation] // *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia]*. 2016, no 4 (37). pp. 59—65.
5. *Klochenko L.N.* Psikhicheskoye prinuzhdeniye kak prestupleniye [Mental coercion as a crime] // *Ugovolnoye pravo [Ugovolnoye Pravo Journal]*. 2014, no 5. pp. 61—63
6. *Krukovskiy V.E., Mosechkin I.N.* Nefizicheskoe nasilie v ugovolnom prave: ponjatie i priznaki [Nonphysical Violence in Criminal Law: Definition and Signs]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly jekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*, 2017, no 3, pp. 89—104. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. *Nagornaya I.I.* Zhestokoye obrashcheniye s rebenkom kak otsenochnoye ugovolno-pravovoye ponyatiye [Child abuse as estimating concept of criminal law] // *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly jekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2017, no 2. pp. 142—154.
8. *Nikitin Ju. A.* Coderzhanie shantazha: voprosy teorii i praktiki [The content of blackmail: questions of theory and practice]. *Vestnik Omskoj juridicheskoy akademii [Vestnik of the Omsk Law Academy]*, 2016, no 3 (32), pp. 61—64.
9. *Pavlova A.A., Koryakina Z.I.* Psikhicheskoye nasiliye kak sposob soversheniya prestupleniya [Mental abuse as a way to commit a crime] // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova [Vestnik of North-Eastern Federal University]*. 2014, T. 11. no 6. pp. 164—167.
10. Sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (Accessed 02.10.2018).
11. *Semenova D.A.* Gipnoz kak vid psihicheskogo prinuzhdeniya v ugovolnom prave [Hypnosis as a type of mental coercion in criminal law] // *Vestnik yugorskogo gosudarstvennogo universiteta [Yugra state university bulletin]*. 2015, no S3-2 (38). pp. 210—211.
12. *Subochev V.A., Volkova N.A.* Razlichnyye podkhody k opredeleniyu ponyatiya i priznakov "ugrozy" v ugovolnom prave [Different approaches to the definition of the concept and signs of "threat" in criminal law] // *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki [Modern research and development]*. 2017, no 5 (13). pp. 525—526.
13. *Sheveleva S.V.* O sposobah juridicheskoy fiksacii prestupnogo prinuzhdeniya v ugovolnom zakonodatel'stve [On the methods of legal fixation of criminal coercion in criminal law]. *Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of South-West State University]*, 2017, no 1, pp. 171—176.
14. *Abadi F. H., Fard A. I.* Robbery by Hypnosis // *International Research Journal of Applied and Basic Sciences*. 2013. No 6. P. 788—793.

15. Blackmail / Huebner B. [et al.] New York: Oxford University Press. Available at: [http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/blackmail\(a9e7a245-f86b-4fca-a041-195b1cfab133\).html](http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/blackmail(a9e7a245-f86b-4fca-a041-195b1cfab133).html) doi: 10.1093/OBO/9780195396607-0199 (Accessed 02.10.2018).
16. *Burczycka M., Conroy S.* Family violence in Canada: A statistical profile, 2016 // *Juristat*. 2018. Iss. 2018001. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/catalogue/85-002-X201800154893> (Accessed 01.10.2018).
17. *Cartwright B. E.* Cyberbullying and cyber law // IEEE International Conference on Cybercrime and Computer Forensic (ICCCF). Vancouver, BC, Canada, 12-14 June 2016. Vancouver, Canada: IEEE, 2016. P. 1–7.
18. *DeMatteo D., Wagage S., Fairfax-Columbo J.* Cyberstalking: are we on the same (web) page? A comparison of statutes, case law, and public perception // *Journal of aggression, conflict and peace research*. 2017. T. 9. №. 2. P. 83–94.
19. *DePiano F., DePiano D.* Investigative Uses of Hypnosis // *Handbook of Behavioral Criminology* / ed. Van Hasselt. Cham: Springer. 2017. P. 501–515.
20. *Henry N., Powell A.* Sexual violence in the digital age: The scope and limits of criminal law // *Social & Legal Studies*. 2016. T. 25. №. 4. P. 397–418.
21. *Hinduja S., Patchin J. W.* Cyberbullying legislation and case law: Implications for school policy and practice // *Cyberbullying Research Center*. 2015. Available at: <https://www.cyberbullying.org/cyberbullying-legal-issues.pdf> (Accessed 02.10.2018).
22. *Lavilléon G., Lacroix M.M., Rondi-Reig L., Benchenane K.* Explicit Memory Creation During Sleep Demonstrates a Causal Role of Place Cells in Navigation // *Nature Neuroscience*. 2015. No 18. P. 493–495.
23. *Owen T., Noble W., Speed F. C.* Biology and Cybercrime: Towards a Genetic-Social, Predictive Model of Cyber Violence // *New Perspectives on Cybercrime*. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. P. 27–44.
24. *Pereira F., Spitzberg B. H., Matos M.* Cyber-harassment victimization in Portugal: Prevalence, fear and help-seeking among adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2016. T. 62. P. 136–146.
25. *Peterson J., Densley J.* Cyber violence: What do we know and where do we go from here? // *Aggression and violent behavior*. 2017. T. 34. P. 193–200.
26. *Swanström, L.L., Park, A.* Social violence: Time to Innovate // *Surgical Innovation*. 2017. Vol. 24 (6). P. 541–542. doi:10.1177/1553350617744044